

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1007
Vol. 15, Is. 5, pp. 993–1007, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 + 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-993-1007

Историческая наука в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг.: особенности становления

Анна Максимовна Плеханова¹, Евгений Владимирович Нолев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, г. Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, г. Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Плеханова А. М., Нолев Е. В., 2022

Аннотация. Цель статьи — выявление специфики институализации исторической науки в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. Проанализированы условия развития исторической науки в дореволюционное время и особенности формирования новых форм организации исторического познания в республике (научного учреждения, научного общества, музеев, архивов) и образовательной инфраструктуры для подготовки специалистов-историков. Большое внимание уделено анализу историко-этнографических исследований в научных обществах (Бурят-Монгольское общество им. Доржи Банзарова, Троицкосавско-Кяхтинское отделение Русского географического общества) и первом научном учреждении республики, прошедшем в обозначенный период путь от Бурят-Монгольского ученого комитета до Государственного института языка, литературы и истории культуры. *Материалы.* При подготовке статьи были использованы неопубликованные документы, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Научном архиве Бурятского научного центра СО РАН и Государственном архиве Республики Бурятия. Применение принципов историзма и системности позволило реконструировать процесс институализации исторической науки в молодой Бурят-Монгольской автономии, обусловленный задачами политического, общественного, экономического, научного и культурного развития государства. Руководствуясь принципом объективности удалось разработать взвешенный подход для характеристики идеологической обусловленности гуманитарной науки в первые десятилетия Бурят-Монгольской АССР. *Результаты.* В первое послеоктябрьское десятилетие

в историографии оформилась принципиально новая концепция исторической науки, базирующаяся на марксистско-ленинской идеологии, сформировалась инфраструктура исторической науки Бурят-Монголии, представленная учреждениями науки и образования, общественными организациями и архивами. Историческая наука развивалась «под флагом краеведения» с присущими этапу становления недостаточной детализацией и обобщающим характером постановки исторических проблем. В этот период в рамках проведения первого культурно-национального совещания в 1926 г. и совещания по спорным вопросам истории Бурят-Монголии в 1934 г. выработывались консолидированные представления о направлениях и задачах развития исторической науки в Бурят-Монголии. Несмотря на идеологические перегибы, сказавшиеся самым негативным образом на кадровом и творческом потенциале исторической науки, к концу 1930-х гг. сформировались источниковая база и теоретико-методологический инструментарий, соответствующий господствующей марксистско-ленинской идеологии. Все это позволило ученым — П. Т. Хаптаеву, А. П. Окладникову, Ф. А. Кудрявцеву и многим другим — подготовить фундаментальные обобщающие труды по истории Бурятии, ставшие классикой отечественной историографии.

Ключевые слова: историческая наука, Бурят-Монгольская АССР, Бурят-Монгольский ученый комитет (Буручком), Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43092 «Советская модернизация бурятского общества в 1920–1930-е годы».

Для цитирования: Плеханова А. М., Нолев Е. В. Историческая наука в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг.: особенности становления // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 993–1007. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-993-1007

Historical Science in Buryat-Mongolia, 1920s–1930s: Peculiarities of Formation Analyzed

*Anna M. Plekhanova*¹, *Evgenii V. Nolev*²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate, Deputy Director

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plekhanova.am@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Plekhanova A. M., Nolev E. V., 2022

Abstract. *Goals.* The article seeks to reveal specifics of historical science's institutionalization in the Buryat-Mongol ASSR throughout the 1920s and 1930s. It analyzes the conditions to have accompanied the development of historical science in the prerevolutionary era, peculiarities in the shaping of new organizational forms for historical research in the Republic (scientific institution, scientific society, museums and archives), and a corresponding educational infrastructure. Much attention is paid to the analysis of history and ethnography research endeavors of scientific societies (Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Society, Troitskosavsk-Kyakhta Branch of the Russian Geographical Society) and the first scientific institution of the Republic to have evolved from Buryat-Mongol Scientific Committee into the State Institute of Language, Literature and Cultural History during the mentioned period. *Materials and methods.* The paper examines unpublished documents stored at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS), Scientific Archive of the Buryat Scientific Center (SB RAS), and the State Archive of Buryatia.

The principles of historicism and systemacity employed make it possible to reconstruct the process of historical science's institutionalization in the young Buryat-Mongol autonomy, the latter having been determined by objectives of scientific, cultural, social, economic and political development of the Soviet state. This has yielded a balanced approach aimed to characterize the ideological predicaments faced by the humanities in earliest decades of the BMASSR. *Results.* The first post-October decade witnessed the shaping of a conceptually new paradigm of historical science based on Marxist-Leninist ideologies — paralleled by the formation of Buryat-Mongolia's infrastructure of historical science represented by institutions of science and education, public organizations and archives. In methodological terms, the very historical science was being developed 'under the flag of local history' with the typically insufficient detailing and generalizing nature of historical problem statements. The first 1926 meeting on ethnic culture and the 1934 meeting on controversial issues of Buryat-Mongolia's history did articulate consolidated ideas pertaining to development directions and objectives for historical science in the Republic. Despite the ideological extremities had had most negative impacts on human resources and potentials of regional historical science, by the late 1930s there were a source base and theoretical/methodological tools generally compliant with Marxist-Leninist ideologies. All that helped P. Khaptaev, A. Okladnikov, F. Kudryavtsev and many others prepare generalized works on the history of Buryatia that have become classics of Russian historiography.

Keywords: historical science, Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, Buryat-Mongol Scientific Committee (Buruchkom), Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Scientific Society

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 21-09-43092 'Soviet Modernization of Buryat Society, 1920s–1930s'.

For citation: Plekhanova A. M., Nolev E. V. Historical Science in Buryat-Mongolia, 1920s–1930s: Peculiarities of Formation Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(5): 993–1007. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-993-1007

Введение

Образование 30 мая 1923 г. Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР) стало значительным событием не только в истории национально-государственного строительства бурят-монгольского народа, но и важной вехой в его социально-культурном развитии. В 1920–1930-е гг. национальная программа культурного просвещения в Бурятии реализовывалась в рамках целого комплекса мероприятий, включающего организацию политико-массовой, национально-языковой и культурно-просветительной работы, ликвидацию неграмотности, создание художественно-просветительных учреждений, национальных средств массовой информации и библиотечного дела. С первых лет советской власти перед молодой республикой была поставлена еще одна конкретная цель — в тесном взаимодействии с задачами культурной революции создать в Бурятии условия для развития науки. Составной и существенной частью национально-культурной программы стало использование исторической науки в построении

социалистического общества. Цель исследования заключается в выявлении специфики институализации исторической науки в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг.

Материалы и методы исследования

При подготовке статьи были использованы неопубликованные документы, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Научном архиве Бурятского научного центра СО РАН и Государственном архиве Республики Бурятия. Применение принципов историзма и системности позволило реконструировать процесс институализации исторической науки в молодой Бурят-Монгольской автономии, обусловленный задачами политического, общественного, экономического, научного и культурного развития государства. Руководствуясь принципом объективности удалось разработать взвешенный подход для характеристики идеологической обусловленности гуманитарной науки в первые десятилетия БМАССР.

Формирование исторических знаний о Бурятии в дореволюционный период

В историческом и этнографическом изучении народов, населявших территорию БМАССР, имелся определенный задел, сформированный в дореволюционный период сообщениями китайских, мусульманских и западноевропейских исследователей и традициями бурятского летописания. После вхождения региона в состав Российского государства, наряду с пристальным вниманием со стороны путешественников и ученых, ценнейшие материалы об этнографии, праве и социальных отношениях бурят и эвенков были собраны служилыми людьми. Так, казаком С. Коробьиним у балаганских бурят записаны нормы обычного права, которые получили по аналогии с «Русской правдой» название «Бурятская правда» [Мохосоев, Мантатов 1982: 8]. Разрозненные данные служилых людей о Бурятии были частично систематизированы и дополнены важными наблюдениями о промыслах и образе жизни кочевников главой русской дипломатической миссии Николаем Спафарием, направлявшимся в Китай в 1675 г. Указанные материалы были опубликованы два столетия спустя — в 1882 г. — в путевом дневнике «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.» [Спафарий 1882].

XVIII век стал временем интенсивного этнографического и географического изучения региона, обусловленного нарастающей потребностью заселения и освоения края. В начале XVIII в. во время семилетнего путешествия важные сведения по истории, археологии и этнографии сибирских народов собрал Д. Г. Мессершмидт [Сизова 2021: 344]. С 1733 г. начался новый этап в изучении Бурятии, ознаменованный организацией крупных комплексных экспедиций Академией наук и художеств. К фундаментальным результатам Великой сибирской экспедиции 1733–1743 гг. в изучении историко-культурного наследия сибирских народов следует отнести, во-первых, «открытие» сибирских архивов Г. Ф. Миллером [Миллер 1999], систематизацию им исторических памятников и этнографических материалов; во-вторых, издание И. Г. Гmeliным трехтомного труда «Путешествие по Сибири», в котором ученый описал расселение,

социальные институты, особенности быта, хозяйства и религии у бурят [Гмелин 2012]; в-третьих, описание быта ангарских, верхоленских и баргузинских бурят в дневнике С. П. Крашенинникова [Мохосоев, Мантатов 1982: 10]. В 1765 г. был издан первый монографический труд о бурятах — «Описание о братских татарах» Михайло Татаринова [Татаринов 1958]. Во второй половине XVIII в. по результатам масштабной научной экспедиции были опубликованы труды П. С. Палласа «Путешествие по различным провинциям Российского государства» [Паллас 1788] и И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», в которых дается описание социальных и имущественных отношений в бурятском улусе, ламаизма и культурных традиций [Георги 1779].

В XIX в. изучение истории и культуры автохтонных народов приезжими учеными, фиксировавшими наблюдения о традиционной жизни инородцев, дополнилось историческим самопознанием, обусловленным развитием краеведческих исследований. Яркими представителями краеведческого направления стали декабрист Н. А. Бестужев, написавший в соавторстве с П. А. Кельбергом этнографический очерк «Гусиное озеро» [Бестужев 1991], сибирский поэт и педагог Д. П. Давыдов, публиковавший краеведческие работы по археологии и этнографии в «Записках Сибирского отдела Русского географического общества» [Давыдов 1856], А. П. Щапов, положивший начало всестороннему изучению межэтнических отношений, хозяйства и быта бурятского населения Восточной Сибири посредством развития деятельности местных отделений Русского географического общества [Щапов 1937], и другие видные краеведы. В 1890 г. был основан Троицкосавский краевой музей, на базе которого четыре года спустя было открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, в чье ведение перешел музей [Батоцыренов 2015: 6, 7]. Отделение объединило местные краеведческие силы и установило сотрудничество с учеными и научными учреждениями России и зарубежья. Сотрудниками отделения осуществлялись комплексные исследования, в том числе в области истории, этнографии и археологии.

В XIX в. заметным явлением в исторической науке стало появление выдающихся ученых из бурятской среды. Высокую оценку российских ориенталистов получила кандидатская диссертация Доржи Банзарова «Черная вера, или Шаманство у монголов» [Банзаров 1891], его исследования в области истории, религии и культуры монгольских народов. Важное значение трудов Д. Банзарова для изучения монгольского мира и интеграции бурятского народа в научное и культурное пространство империи отметил известный востоковед П. С. Савельев: «Блеск примечательной личности отражается и на народе и буряты отныне приобрели право на большее внимание потому, что из их среды вышел Доржи Банзаров» [Банзаров 1891: 3]. В середине XIX в. большой вклад в исследование монгольского источниковедения внес Галсан Гомбоев, осуществив перевод монгольской летописной хроники «Алтан Тобчи» [Улымжиев, Шофман 2012: 74]. В 1881 г. по заданию Русского географического общества М. Н. Хангалов совершил поездку к ольхонским, кудинским и балаганским бурятам с целью изучения религии и фольклорного наследия. Впоследствии его труд «Материалы изучения шаманства Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии» был награжден малой золотой медалью Русского географического общества [Мохосоев, Мангатов 1982: 16]. На рубеже веков Г. Ц. Цыбиков первым из российских ученых совершил знаменитое путешествие в Центральный Тибет, удостоенное высшей награды Русского географического общества — премии имени М. Н. Пржевальского с золотой медалью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу» [Цыбиков, Заятуев 2012: 143].

Начало XX в. было отмечено усилением интереса к истории, традициям, экономике и межэтническим отношениям народов региона в связи с дискуссиями в среде национальной интеллигенции о путях национального развития. В то же время стала расширяться область гуманитарных исследований, труды местных ученых и краеведов получили высокое признание: М. Н. Хангалов стал лауреатом Французской академии (1903 г.); Б. Б. Барадину была присуждена Премия им. Пржевальского за работы о Тибете (1907 г.); большой золотой медалью РГО был награжден автор многочисленных

трудов по археологии, антропологии и этнографии Забайкалья Ю. Д. Талько-Грынцевич, чьи раскопки захоронений «народа хунну» в Судже положили начало гуннской археологии (1905 г.); П. Ф. Унтенбергер был удостоен малой золотой медали РГО за труд «Приморская область. 1856–1898 гг.» (1902 г.); серебряной медалью РГО были отмечены Ц. Ж. Жамцарано за сбор материалов по фольклору (1905 г.) и А. Д. Корнакова за труды по этнографии Монголии (1911 г.) [Батоцыренов 2015: 5]. Исследования дореволюционного периода значительно обогатили источниковую базу, послужили основой для дальнейших исследований, несмотря на то, что отличались некоторой фрагментарностью, отсутствием планомерности и системности в изучении историко-культурного наследия народов Бурятии.

Инфраструктура, условия и задачи развития гуманитарных исследований в регионе

Богатейшее культурное наследие проживающих на территории Бурятии народов, наряду с ростом их национального самосознания, революционными изменениями начала XX в. и первостепенными задачами национально-государственного строительства, обострили интерес к историческому прошлому. По мнению советских историков, партийное и советское строительство, экономический и культурный подъем, начавшийся после изгнания белогвардейцев и иностранных интервентов с территории Забайкалья, образование БМАССР вызвали небывалый рост интереса к истории молодой республики. И если, по утвердившемуся в советской историографии мнению, в царской России дворянско-буржуазная наука отказывала «малым народностям» Сибири в праве на историческое прошлое в связи с отсутствием у них своей государственности [Хадалов 1958: 11], то с обретением национальной автономии изучение истории и культуры Бурятии стало предметом пристального внимания образованной части общества и объектом целенаправленных усилий со стороны научных учреждений.

Важным фактором развития гуманитарных исследований стало решение задач хозяйственного и культурного развития Бурят-Монголии. Так, при создании Бурят-Монгольского научного общества

им. Доржи Банзарова большое внимание уделялось усилению возможностей развития хозяйства методами гуманитарных наук, посредством привлечения к исследованиям широких масс населения. В частности такой подход разрабатывался в статистике [Козин 1926: 1]. Большое значение научно-исследовательской работы в области языка, истории и культуры бурятского народа в деле национально-культурного строительства было обозначено на первом национально-культурном совещании, прошедшем в сентябре 1926 г. в г. Верхнеудинске [Мохосоев, Мантатов 1982: 18–19].

Особо следует отметить задачи, частично или полностью затрагивающие область исторического знания, в проекте комплексного исследования республики, определенные Госпланом БМАССР при обращении в Академию наук СССР в 1925 г. Во-первых, изучение антропологических особенностей местных жителей, предрасположенности к различным заболеваниям, их трудоспособности и предпочтений в сфере труда, с целью предотвращения «вымирания туземцев» и создания из их среды квалифицированных индустриальных и сельскохозяйственных рабочих кадров. Данная задача считалась особенно актуальной в связи с утвердившимся мнением о высокой распространенности социальных болезней среди коренных народов. Во-вторых, хозяйственно-культурное возрождение тунгусов-орочон и других тунгусских групп. В-третьих, изыскания в области этнографии и археологии, имеющие для Забайкалья «жизненный интерес» в условиях опасности повсеместного уничтожения агинских и селенгинских курганов [ГА РБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 11. Л. 7–11]. Стратегически важное значение имела перспектива изучения дацанов с целью формирования правильного политического подхода к мировоззрению народов Востока, «так как бурятские дацаны являются единственным во всем Союзе ССР очагом, дающим ключ к пониманию того своеобразного мира индо-буддийской культуры, которая охватывает добрую половину востока» [ГА РБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 11. Л. 20–20об.].

В теоретическом отношении официальная историография первого послеоктябрьского десятилетия ориентировалась на классовоцентристский и интернационалистский подходы к историческому познанию. «На-

циональные истории обрели советскую идентичность и зачастую разрабатывались под флагом краеведения» [Бордюгов, Бухарев 1999: 62]. В методологическом плане в республике в это время происходило оформление исторической дисциплины с присущими этапу становления недостаточной детализацией и обобщающим характером постановки исторических проблем. В 1930-е гг. ужесточались границы оценки и интерпретации исторического развития республики, лимитированные официальной концепцией истории социалистического строительства: «В постановке проблем и тематике исследований наблюдается жесточайшая унификация, абсолютное большинство публикаций написано по одной и той же схеме на базе упрощенного классового подхода. Мнения, не вписывающиеся в рамки политической заданности, подвергаются резкой критике» [Чимитова 2006: 25, 26]. В свете этого изменилось отношение исследователей к процессу исторического познания: «восприятие единого и поступательного развития исторической науки, основанного на сохранении традиций и уважении к трудам предшественников сменилось неоправданно сдержанной оценкой концепций предшественников, вплоть до полного их отрицания, что было во многом обусловлено марксистским прочтением истории с ее приоритетом партийного принципа осмысления прошлого» [Балдано 2012: 66].

Инфраструктура исторической науки в Бурятии в 1920–1930-е гг. включала научные и образовательные учреждения, общественные организации, архивы и музеи. В 1922 г. в научной жизни произошло знаковое событие, связанное с созданием Бурят-Монгольского ученого комитета, ставшего стержневой основой для развития академической науки в регионе. В состав комитета вошли выдающиеся востоковеды Б. Б. Барадин (председатель), Ц.-Ж. Жамцарано и Г. Ц. Цыбиков. Согласно проекту положения, Бурят-Монгольский ученый комитет (далее — Буручком) должен был стать «высшим учреждением Бурятии, объединяющим все научные и культурные силы бурят-монголов для воплощения научно-теоретических работ в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительских задач бурят-монгольского народа» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 118. Л. 100].

В 1920 г. был основан Прибайкальский народный университет с кафедрой Прибайкаловедения (1920–1922 гг.). В 1922 г. в университете подготовлена одна из первых работ, представляющая краткое, но систематическое изложение истории Прибайкалья в составе России [Гирченко 1922]. В 1926 г. по ходатайству БМАССР на педагогическом факультете Иркутского государственного университета было открыто бурят-монгольское отделение, где проходила подготовка высококвалифицированных кадров по истории, русскому и родному языкам и литературе для школ и техникумов республики. Студенты бурят-монгольского отделения принимали активное участие в деятельности бурят-монгольской секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, где проводились исследования в области изучения этнографии, хозяйства и быта бурят [Номогоева, Иванова 2022: 12]. 10 февраля 1932 г. в БМАССР открылся Бурят-Монгольский агропедагогический институт. Историческая наука в структуре института была представлена историко-экономическим отделением [Номогоева, Иванова 2022: 18].

Одним из центров исторической науки в преддверии образования БМАССР стало Общество изучения Прибайкалья (1918–1923 гг.). В 1924 г. было открыто Бурят-Монгольское научное общество им. Доржи Банзарова (1924–1930 гг.). На протяжении 1920–1930-х гг. активное изучение истории и этнографии края проводилось Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества.

Значительную роль в организации исторических исследований играли Троицкосавско-Кяхтинский и Прибайкальский (в октябре 1923 г. реорганизованный в Бурят-Монгольский) краевые музеи. В Кяхтинском и Республиканском краеведческих музеях была организована интенсивная работа по сбору предметов быта, народного ремесла и искусства и проведению этнографических исследований. Сотрудниками Антиралигиозного музея изучалась древняя история края посредством организации небольших раскопок и сбора археологического материала, а также формировались коллекции по истории религии, представленные предметами ламаистского и шаманского религиозных культов, рукописями, ксилографами и

документами по истории ламаизма и православия в Забайкалье [Мохосоев, Мантатов 1982: 24].

В этот же момент была заложена основа для полноценной научной работы с архивными источниками. С образованием республики было учреждено Центральное архивное управление (ЦАУ). Спустя год при ЦАУ была образована политическая секция, переименованная в «Архив Октябрьской революции». К 1928 г. после ликвидации и восстановления Архивное управление при ЦИК БМАССР обрело следующую структуру: Исторический архив с национальным отделом, Архив Октябрьской революции с архивом профсоюзного движения, Секретный отдел и Научно-справочная библиотека [Лыскокова 1999: 13, 14].

Создание сети государственных и общественных научных организаций открыло широкий простор для развития исторической науки в Бурятии и реализации мощного творческого потенциала высокообразованной дореволюционной бурятской интеллигенции, которая получила возможность исследования богатого историко-культурного наследия народов Забайкалья.

Организация исторических исследований в научных обществах

Вера большевиков в главенствующую роль науки и техники в построении социализма обусловила трансформацию научных обществ на заре становления советской власти в массовые организации, полностью подконтрольные власти и обеспечивающие большое участие в научной деятельности рабочих и крестьян [Синельникова 2018: 188]. Данная тенденция была отражена в задачах краеведческой работы в Бурят-Монголии, сформулированных Н. Н. Козьминым. Их суть заключалась в опоре государственно-хозяйственного строительства на основательное знакомство с историей региона: «Ясно, что одного изучения сверху для этого недостаточно. Как ставится Советской властью в качестве основного государственного задания вовлечение в дело государственного и хозяйственного строительства самих народных масс, так и в сфере краеведения само население данного края должно дать знание этого края и само получить научные основы для правильного, научного познания его» [Козьмин 1925: 3].

Перед Бурят-Монгольским научным обществом им. Доржи Банзарова были поставлены задачи организации краеведческой работы, проведения научных экспедиций, содействия в экономическом и культурно-социальном развитии БМАССР, охраны памятников природы, истории и искусства, пропаганды научных знаний и установления широких научных связей с отечественными и зарубежными учреждениями науки. В марте 1925 г. была образована историко-этнографическая секция, составлявшая вместе с физико-географической и экономической секциями основные структурные подразделения общества. Председателем секции был избран Б. Б. Барадин, заместителем председателя — В. П. Гирченко, секретарем — Ф. А. Кудрявцев. Цель создания секции была сформулирована следующим образом: «Учет опыта прошлого, изучение исторических, этнографических особенностей края может способствовать более четкому пониманию хозяйственных, социально-политических и культурных задач современности» [Бурятияведение 1925: 20].

Бурят-Монгольским научным обществом им. Доржи Банзарова в рамках имеющихся финансовых возможностей была организована экспедиционная деятельность, направленная, в том числе, на изучение археологии и этнографии края. Были исследованы археологические памятники на р. Джиде, неолитическая стоянка на р. Нижняя Березовка, могильник железного века у с. Зарубино, а также Мухоршибирские писаницы, организованы археологические разведки на оз. Котокель. Проводилась этнографическая работа среди семейских Забайкалья, фиксировались песни и мелодии бурят и русских, изучались бурятские национальные танцы.

С 1925 г. началось издание бюллетеня общества под названием «Бурятияведение», где наряду с исследованиями и отчетами публиковались программы, инструкции и методические рекомендации по организации и проведению краеведческой работы в аймаках БМАССР: «Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами», «Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях», «Анкета по сбору сведений о доисторических памятниках на территории Бурятии», «Анкета: Культ

и народное сельское хозяйство», «Краткая программа по этнографии» и т. д. [Бурятияведение 1925: 33–41; Бурятияведение 1926: 36–38; Бурятияведение 1927: 120–139]. На страницах бюллетеня публиковались статьи Н. Н. Козьмина, Б. Б. Барадина, П. П. Баторова, Г. Ф. Дебеца, В. П. Гирченко и других исследователей в области археологии, истории и этнографии. В 1926 г. научным обществом были опубликованы работы И. И. Серебренникова «Буряты: их хозяйственный быт и землепользование» и М. Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа» [Серебренников 1925; Богданов 1926]. Труд М. Н. Богданова с дополнительными статьями Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина представляет собой одно из первых обобщающих исторических исследований, в котором разработаны концепции расселения и общественного строя бурят, завоевания русскими Прибайкалья и Забайкалья, общественного, экономического и культурного развития бурятского народа в новое время. Работа представляет интерес также в историографическом и источниковедческом отношении, включая характеристику исторических преданий бурят и их соседей, описаний путешественников XVIII в., а также библиографический указатель литературы и источников по истории бурятского народа [Богданов 1926]. В 1927 г. был опубликован сборник «Декабристы в Бурятии». «Научным обществом также издавались труды в области истории, археологии, этнографии, антропологии, культуры, искусства, социальных отношений и революционного движения в Бурятии, истории народного хозяйства и просвещения» [Номогоева 2009: 153].

Научное общество было упразднено в 1930 г., его фонды были переданы Государственному институту культуры. Вероятной причиной упразднения научного общества стало общее следствие «великого перелома» в науке и «культурной революции» в общественной сфере, в результате чего научные общества утратили свою независимость, а их значение в советской системе организации науки заметно снизилось [Синельникова 2018: 462]. Возможно, подобная ситуация стала результатом малоэффективной попытки сциентизации общества или коллективизации науки, не приведшей к широкому вовлечению в научные исследования трудящихся масс.

В 1920–1930-е гг. были продолжены историко-этнографические и археологические изыскания Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества и Троицкосавским музеем, получившим в 1922 г. статус краевого и перешедшим в 1923 г. в ведение Наркомпроса Бурят-Монгольской АССР. Сотрудниками отделения и музея проводились комплексные экспедиционные исследования, направленные на изучение историко-культурного наследия, хозяйства и быта: сбор сведений о промыслах в Южном Забайкалье под руководством П. С. Михно и С. А. Успенского для Всероссийской сельскохозяйственной выставки и кустарно-промышленной выставки (1923 г.); историко-геологическая экспедиция на р. Джиду (1926 г.); Гусино-озерская (1926 г.) и Боргойская (1930 г.) комплексные экспедиции под руководством П. С. Михно; экспедиция по обследованию труда, быта и экономического состояния колхозов (1931 г.); фольклорная экспедиция А. Н. Орловой; комплексная Хамар-Дабанская экспедиция (1936–1937 гг.) [Батоцыренов 2015: 53–60].

В 1928 г. с публикации исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича «Население древних могил и кладбищ забайкальских» началась издательская деятельность музея и отделения. В 1934 г. в музее открылся историко-революционный отдел, а год спустя отдел социалистического строительства [Батоцыренов 2015: 181]. После ареста руководителей отделения П. С. Михно и С. А. Успенского в 1937 г. последовало временное снижение исследовательской активности отделения.

От Буручкома до Государственного института языка, литературы и истории

Большое внимание историческим исследованиям уделяли сотрудники Бурят-Монгольского ученого комитета, ставшего стержневой основой развития науки в регионе. Несмотря на немногочисленность штатных научных сотрудников (не более пяти) и привлеченных корреспондентов, проводилось изучение истории, культуры, быта, а также религий региона, преимущественно ламаизма и шаманизма. Одной из ключевых задач Буручкома стало всестороннее изучение Бурятии и Монголо-Тибетского Востока [ГА РБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10].

Историко-этнографические исследования в 1920-е гг. находились еще на стадии становления. Преимущественно они представляли собой разрозненные, вне систематизации и динамики, данные. Это был период интенсивного накопления фактического материала и разработки отдельных научных вопросов, заложивших фундамент, на основе которого в последующие — 1930-е — годы будут созданы обобщающие работы по истории Бурят-Монголии. На начальных этапах организации исторической науки в учреждении исследования проводились объединенными усилиями этнографической секции Буручкома и историко-этнологической секции Бурят-Монгольского общества им. Доржи Банзарова. Ключевыми темами историко-археологических исследований в Буручкоме стали: происхождение бурятского народа, экономическое развитие и классовые отношения в бурятском обществе в XVIII–XIX вв., история бурятского казачьего войска, золотопромышленность Западного Забайкалья в 1840–1880-е гг., народное образование в Прибайкалье в XIX в., революционное движение 1905–1917 гг., а также исследование археологических памятников Предбайкалья и Забайкалья [Балдано, Кириченко 2022: 187].

Важным направлением в работе Буручкома стала организация экспедиционных исследований. Этнографические экспедиции были направлены на исследование бытовых черт в эпических произведениях эхирит-булагатов [Забанов 1929]; изучение дацанского искусства на базе Анинского и Эгитуйского буддийских монастырей и буддийского искусства в Иройском, Гэгэ-туйском и Тамчинском дацанах; изучение быта жителей Закаменского района [Аюшеева, Ринчинова, Цыпилова 2017: 138]. Ранние археолого-разведочные экспедиции позволили обследовать древний курган на горе Сэбхэн на правом берегу р. Кижинги и открыть несколько писаниц на р. Ходун; провести пробные раскопки в Агинском аймаке, в результате которых были обнаружены предметы материальной культуры древнего человека [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 86–87]. «В 1928–1929 гг. объединенным археологическим отрядом Академии наук СССР, Буручкома, Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова и Троицкосавского музея под руковод-

ством Г. П. Сосновского было проведено археологическое обследование долин р. Селенги, Джиды, Чикоя, в ходе которого были изучены древние культуры Забайкалья, уточнена их классификация, дана общая характеристика его древнейшей истории» [Базаров, Плеханова 2021: 704]. Проведенные изыскания позволили заключить, что в свое время Северный Китай, Монголия и Забайкалье представляли «одно целое и жили общей жизнью» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 84а. Л. 93].

В конце 1920-х гг. научно-исследовательская работа в области изучения истории и культуры Бурятии была признана недостаточной: вместо должной организации научно-исследовательского изучения республики «мы имеем ... практику изучения отдельных моментов, не отвечающую очередным задачам строительства, и практику изучения отдельных кусочков далекого прошлого Бурятии, ее этнографии, культуры, фольклора, жилищ, одежды, былин, сказок и т. п., как нечто самодовлеющее, стоящее вне причинной связи с общей проблемой культуры, экономики человека; мы окунулись в поток повседневной работы и жизни и зачастую недооцениваем политическое и практическое значение научно-исследовательских работ» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 84а. Л. 17–18]. Был поставлен вопрос о реорганизации Буручкама. В докладе директора учреждения Б. Б. Барадина «Основные соображения о необходимости реорганизации Буручкама в Институт бурят-монгольской культуры», озвученном в марте 1929 г., обосновывалась необходимость более глубокого археологического, этнографического, исторического изучения Бурятии, высказывалось опасение, что в скором будущем «вся бурятская старина уйдет в область предания вместе с ее носителями» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 84а. Л. 15].

На наш взгляд, реорганизация Буручкама была обусловлена скорее внешними обстоятельствами. В мае 1929 г. Центральный комитет партии рассмотрел вопрос «О состоянии и работе Бурят-Монгольской партийной организации», по итогам обсуждения которого было принято постановление о необходимости усиления мер против проявления великодержавного шовинизма, панмонголизма и бурятского национализма.

Уже вскоре ЦИК БМАССР и бюро обкома ВКП(б) приняли решение о преобразовании ученого комитета в государственный институт культуры (ГИК), перед которым были поставлены задачи сбора и изучения «всякого рода памятников старины, относящихся к истории материальной и духовной культуры монгольских племен, а также народностей, населяющих современную Монголию и Бурят-Монголию до заселения их монгольскими племенами, ... исследования социальной, материальной и духовной культуры монгольских племен, ... собирания рукописей и обработки неопубликованных летописей, ... составления археологических и исторических карт» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 84а. Л. 16]. Особо подчеркивались важность создания научной базы для социалистического строительства и значение исследования бурят-монгольского языка, литературы, истории и искусства «в условиях широко развернувшейся классовой борьбы в улусах и деревнях» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 84а. Л. 18–19]. Институту была отведена роль «орудия» классовой борьбы «на фронте научно-исследовательской работы», что вылилось в усиление идеологизации исторических исследований в 1930-е гг.

В 1930-е гг. сотрудники Института культуры значительно обогатили представления об отдельных аспектах истории Бурятии. Совместно с Государственным архивом БМАССР была организована масштабная работа по выявлению, изучению и публикации документов и архивных материалов по истории Бурятии. «Соединение интеллектуального и образовательного наследия Б. Барадина, Ц.-Ж. Жамцарано, Г. Цыбикова и др., а также творческой энергии молодых одаренных историков П. Т. Хаптаева, Б. Д. Цыбикова позволило институту уже к середине 1930-х гг. стать одним из центров развития исторической науки в регионе» [Балдано 2012: 66]. Вместе с тем «многие важные вопросы местной истории оставались еще совершенно не изученными; у историков не было ясного представления и об основных этапах исторического процесса в Бурятии» [Номогоева 2009: 154].

В условиях доминирования марксистско-ленинской идеологии, одной из главных задач исторической науки стало определение уровня капитализации экономических

отношений в дореволюционной Бурятии для аргументации развернувшихся социалистических преобразований. С этой целью в июне 1934 г. в Государственном институте культуры было проведено «специальное совещание историков Бурят-Монголии для обсуждения спорных исторических вопросов, имеющих актуальное политическое значение» [К истории... 1935: 3]. В рамках дискуссии рассматривались вопросы феодализма в Бурятии, колониальной политики царизма, развития капиталистических отношений и социальной структуры общества накануне Октябрьской революции. С основным докладом выступил П. Т. Хаптаев, который доказывал, что «Бурятия прошла через стадию неразвернутого феодализма со всеми особенностями, свойственными феодализму скотоводческих районов и в связи с ростом городов, местной промышленности и, в особенности, с проведением Сибирской железной дороги была раньше других колоний России приобщена к капиталистической системе хозяйства» [К истории... 1935: 51]. Солидарность с позицией основного докладчика выразили большинство участников дискуссии: Н. Н. Козьмин, Ф. А. Кудрявцев, О. Дашидондобэ и др. Альтернативную точку зрения представил М. Ильин, который считал, что в экономике Бурятии «к моменту Октябрьской социалистической революции существовали лишь докапиталистические отношения». В ходе дискуссии был определен вектор дальнейших исторических исследований в регионе. Негативным результатом совещания стал идеологический перегиб, когда видные ученые были признаны «буржуазными националистами». 7 сентября 1934 г. дискуссия получила дальнейшее развитие на заседании Института истории Коммунистической академии, где состоялось обсуждение доклада В. Ф. Аханянова «К спорным вопросам истории Бурят-Монголии» [Киселев 2021: 222].

19 марта 1936 г. «в связи с ростом запросов и требований социалистического строительства и в целях усиления научно-исследовательской работы в области истории, языка и литературы» Бурят-Монгольский институт культуры был реорганизован в Институт языка, литературы и истории (далее — ГИЯЛИ) при Президиуме ЦИК БМАССР, включающий два сектора: исто-

рии, языка и литературы [НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1221. Л. 2]. Сотрудники института осуществляли масштабные исследования в области социально-политической, аграрной и экономической истории, культуры народов региона. Большое внимание уделялось изучению и публикации архивных источников. Большая работа по комплексному изучению эпоса «Гэсэр» и публикации бурятских летописей XIX в. была проделана в сотрудничестве с Союзом писателей Бурят-Монголии и Институтом востоковедения АН СССР [Мохосоев, Мантатов 1982: 24; Номогоева 2009: 155]. В научном журнале института «Записки ГИЯЛИ» публиковались источниковедческие исследования, рассматривались различные аспекты истории дореволюционной Бурят-Монголии, революционного движения и гражданской войны, культуры и просвещения.

На развитии исторической науки тяжело отразилась развернувшаяся во второй половине 1930-х гг. кампания борьбы с «буржуазным национализмом и панмонголизмом», обернувшаяся отвлечением сил и средств от решения основных научных задач и массовыми репрессиями. «Преследование и уничтожение представителей научной интеллигенции деформировало развитие бурятского общества, снизив культурный, образовательный и моральный уровень национальной интеллигенции всех категорий, привело к безвозвратным потерям творческих личностей» [Балдано 2012: 66].

Вместе с тем в результате систематического накопления, анализа и ввода в научный оборот источников ко второй половине 1930-х гг. были созданы условия для подготовки обобщающих трудов по истории Бурят-Монголии. В 1936 г. вышла в свет работа П. Т. Хаптаева «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа», представляющая собой одно из первых систематических изложений истории бурят-монгольского народа с XVII в. до Октябрьской революции [Хаптаев 1936]. В 1937 г. ГИЯЛИ совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР был опубликован фундаментальный труд А. П. Окладникова «Очерки по истории западных бурят-монголов» [Окладников 1937]. В 1940 г. Академией наук СССР совместно с ГИЯЛИ издана книга Ф. А. Кудрявцева «История

бурят-монгольского народа», охватывающая прошлое бурят-монгольского народа с XVII в. до 60-х гг. XIX в. [Кудрявцев 1940]. Эти работы вошли в золотой фонд отечественной историографии.

Заключение

Становление исторической науки Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. проходило в условиях формирования новой научной и идеологической концепции и было нацелено на решение комплекса задач, включая обоснование социалистических преобразований, национально-культурное строительство, хозяйственное развитие, вовлечение широких народных масс в краеведческую работу и разработку правильного политического подхода к формированию мировоззрения народов Востока. Развитию исторического знания способствовала деятельность образовательных учреждений, общественных научных организаций, музеев и архивов, при этом основополагающее значение в становлении и развитии исторической науки в Бурятии сыграло первое государственное научное учреждение, созданное в регионе. Бурят-Монгольский ученый комитет объединил бурятскую интел-

лектуальную элиту, что позволило интенсифицировать развитие исторической науки. Традиция изучения истории, заложенная сотрудниками Буручкома, была продолжена его преемниками — Бурят-Монгольским государственным институтом культуры и Государственным институтом языка, литературы и истории.

В этот период в рамках проведения культурно-национального совещания в 1926 г. и совещания по спорным вопросам истории Бурят-Монголии в 1934 г. вырабатывались консолидированные представления о направлениях и задачах развития исторической науки в Бурят-Монголии. Несмотря на идеологические перегибы, сказавшиеся самым негативным образом на кадровом и творческом потенциале исторической науки, к концу 1930-х гг. сформировались источниковая база и теоретико-методологический инструментарий в рамках господствующей марксистско-ленинской идеологии. Все это позволило ученым — П. Т. Хаптаеву, А. П. Окладникову, Ф. А. Кудрявцеву и многим другим — подготовить фундаментальные обобщающие труды по истории Бурятии, ставшие классикой отечественной историографии.

Источники

- ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
 НА БНЦ СО РАН — Научный архив Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН.
 ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Литература

- Аюшеева, Ринчинова, Цыпилова 2017 — *Аюшеева М. В., Ринчинова О. С., Цыпилова С. С.* Экспедиционная деятельность Бурят-Монгольского ученого комитета (1922–1929) // *Культура Центральной Азии: письменные источники* / гл. ред. Ц. П. Ванчикова. Вып. 10. Улан-Удэ, 2017. С. 135–154.
 Базаров, Плеханова 2021 — *Базаров Б. В., Плеханова А. М.* Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929 гг.): этапы становления и организация первых научных исследований // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 697–709. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-697-709

Sources

- State Archive of the Republic of Buryatia.
 Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS.
 Scientific Archive of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS.

- Балдано 2012 — *Балдано М. Н.* Бурятская историческая наука: от Буручкома до Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2012. № 3(7). С. 65–83.
 Балдано, Кириченко 2022 — *Балдано М. Н., Кириченко С. В.* Отдел истории, этнологии и социологии: от истоков до наших дней // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2022. № 1 (45). С. 187–194. DOI: 10.31554/2222-9175-2022-45-187-194
 Банзаров 1891 — *Банзаров Д.* Черная вера, или Шаманство у монголов. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1891. 129 с.

- Батоцыренов 2015 — *Батоцыренов Э. А.* Деятели Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. 184 с.
- Бестужев 1991 — *Бестужев Н. А.* Гусиное озеро: Статьи, очерк. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 99 с.
- Богданов 1926 — *Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1926. 229 с.
- Бордюгов, Бухарев 1999 — *Бордюгов Г., Бухарев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в Советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999. 432 с.
- Бурятияведение 1925 — Бурятияведение. Бюллетени Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова. 1925. № 1. 45 с.
- Бурятияведение 1926 — Бурятияведение. Бюллетени Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова. 1926. № 2. 46 с.
- Бурятияведение 1927 — Бурятияведение. Бюллетени Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова. 1927. № 3–4. 154 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4-х т. Ч. 3: О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. СПб., 1799. 116 с.
- Гирченко 1922 — *Гирченко В. П.* Прибайкалье: краткий исторический очерк. Верхнеудинск: Книгоизд-во Объедин. прибайкал. союза кооперативов, 1922. 26 с.
- Гмелин 2012 — *Гмелин И. Г.* Путешествие в Сибирь. Соликамск, 2012. 83 с.
- Давыдов 1856 — *Давыдов Д. П.* О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Записки Сибирского Отдела Русского Географического общества. Кн. 2. СПб., 1856. С. 89–100.
- Забанов 1929 — *Забанов М. Н.* Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск: Изд. Бурят-Монгольского ученого ком., Тип. Буриздата, 1929. 36 с.
- К истории... 1935 — К истории Бурято-Монголии: Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. М.; Л.: Соцэргиз, 1935. 184 с.
- Киселев 2021 — *Киселев Ю. М.* К спорным вопросам истории Бурят-Монголии: позиция В. Ф. Аханянова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 222–230. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-222-230
- Козьмин 1925 — *Козьмин Н. Н.* Задачи и формы краеведческой работы // Бурятияведение. Бюллетени Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова. 1925. № 1. С. 3–5.
- Козьмин 1926 — *Козьмин Н. Н.* Краеведческие задачи в области хозяйства // Бурятияведение. Бюллетени Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова. 1926. № 2. С. 1–2.
- Кудрявцев 1940 — *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.: Очерки. М.; Л.: АН СССР, 1940. 242 с.
- Лыскокова 1999 — *Лыскокова В. Ц.* История организации и развития архивного дела в Республике Бурятия (60-е годы XIX в. – 1991 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999. 19 с.
- Миллер 1999 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.: Вост. лит., 1999. 630 с.
- Мохосоев, Мантатов 1982 — *Мохосоев М. В., Мантатов В. В.* Основные этапы и итоги исследования истории Бурятии // Развитие науки в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С. 5–68.
- Номогоева, Иванова 2022 — *Номогоева В. В., Иванова Л. Б.* Бурятский государственный университет: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. 192 с.
- Номогоева 2009 — *Номогоева В. В.* Развитие науки в Бурятии в 20–30-е годы XX века // Исследователь. 2009. № 3–4. С. 150–157.
- Окладников 1937 — *Окладников А. П.* Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.: ОГИЗ, 1937. 425 с.
- Паллас 1788 — *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Часть третья. Половина первая. 1772 и 1773 гг. СПб.: Императорская академия наук, 1788. 624 с.
- Серебренников 1925 — *Серебренников И. И.* Буряты: их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск: Бурят-Монгол. изд-во, 1925. 226 с.
- Сизова 2021 — *Сизова А. А.* Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей. СПб.: Реноме, 2021. С. 343–351.
- Синельникова 2018 — *Синельникова Е. Ф.* Конструируя советскую науку: научные об-

- щества в 1920-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 454–462.
- Спафарий 1882 — *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.
- Татаринов 1958 — *Татаринов М.* Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Улан-Удэ: [б. и.], 1958. 78 с.
- Улымжиев, Шофман 2012 — *Улымжиев Д. Б., Шофман А.* Галсан Гомбоев // // Российское монголоведение: хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. Е. К. Шаракшинова. Иркутск: ИГУ, 2012. С. 69–75.
- Хадалов 1958 — *Хадалов П. И.* Деятельность Института культуры за 35 лет // К 35-летию Института культуры. Улан-Удэ, 1958. С. 3–56.
- Хаптаев 1936 — *Хаптаев П. Т.* Краткий очерк истории бурятского народа. Вып. I. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1936. 76 с.
- Цибиков, Зятуев 2012 — *Цибиков Б., Зятуев Г. Н.* Гомбожаб Цыбиков // Российское монголоведение: хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. Е. К. Шаракшинова. Иркутск: ИГУ, 2012. С. 142–147.
- Чимитова 2006 — *Чимитова Д. К.* Отечественная историография становления и развития национальных автономий в Сибири в 1920–1930-х гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 45 с.
- Щапов 1937 — *Щапов А. П.* Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905–1908. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. 378 с.

References

- Ayusheeva M. V., Rinchinova O. S., Tsybilova S. S. Field studies of the Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929). In: Vanchikova Ts. P. (ed.) Culture of Central Asia: Written Sources. Vol. 10. Ulan-Ude, 2017. Pp. 135–154. (In Russ.)
- Baldano M. N. Historical Science in Buryatia: From Buryat Scientific Committee to the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SD RAS. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2012. No. 3(7). Pp. 65–83. (In Russ.)
- Baldano M. N., Kirichenko S. V. Department of History, Ethnology and Sociology: From the origins to the present day. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2022. No. 1 (45). Pp. 187–194. DOI: 10.31554/2222-9175-2022-45-187-194 (In Russ.)
- Banzarov D. The Black Faith, Or Shamanism with the Mongols: And Other Articles by Dorzhi Banzarov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1891. 128 p. (In Russ.)
- Batotsyrenov E. A. Russian Geographical Society: Activists of Troitskosavsk-Kyakhta Branch. Ulan-Ude: EKOS, 2015. 184 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V., Plekhanova A. M. Buryat-Mongolian Scientific Committee, 1922–1929: Stages of formation and organization of earliest scientific studies. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 697–709. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-697-709 (In Russ.)
- Bestuzhev N. A. Lake Gusinoye: Articles, Essay. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1991. 99 p. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. The Buryat-Mongol People: Historical Essays. Verkhneudinsk: Buryat-Mongol State Publ. House, 1926. 229 p. (In Russ.)
- Borduyugov G., Bukharev V. Ethnic historical thought in Soviet contexts. In: Eimermacher K., Borduyugov G. (eds.) Ethnic Histories in the USSR and Post-Soviet States. Moscow: AIRO-XX, 1999. 432 p. (In Russ.)
- Buryatievedenie (Buryat Studies)*. Bulletin of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Scientific Society. 1925. No. 1. 45 p. (In Russ.)
- Buryatievedenie (Buryat Studies)*. Bulletin of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Scientific Society. 1926. No. 2. 46 p. (In Russ.)
- Buryatievedenie (Buryat Studies)*. Bulletin of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Scientific Society. 1927. Nos. 3–4. 154 p. (In Russ.)
- Chimitova D. K. The Formation and Development of Ethnic Autonomies in Siberia, 1920s–1930s: Russian Historiography. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2006. 45 p. (In Russ.)
- Davydov D. P. About ancient monuments and burial sites of Verkhneudinsk District, Transbaikalia Oblast. *Zapiski Sibirskogo Otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1856. Vol. 2. Pp. 89–100. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of All Peoples Inhabiting the Russian Empire: Their Household Rites, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Entertainments, Faiths, and Other Memorable Things. Vol. 4. Part 3: About Samoyedic, Manchu, and Eastern Siberian Peoples, as well as about the Shamanic Law. St. Petersburg, 1799. 116 p. (In Russ.)
- Girchenko V. P. Cisbaikalia: A Brief Historical Essay. Verkhneudinsk: Cisbaikalia Cooperative Union Press, 1922. 26 p. (In Russ.)

- Gmelin J. G. Travels to Siberia. Solikamsk, 2012. 83 p. (In Russ.)
- Khadalov P. I. Institute of Culture: The 35 years of work reviewed. In: Celebrating the 35th Anniversary of the Institute of Culture. Ulan-Ude, 1958. Pp. 3–56. (In Russ.)
- Khaptaev P. T. The Buryat People: A Brief Historical Essay. Ulan-Ude: Burgosizdat, 1936. Vol. I. 76 p. (In Russ.)
- Kiselyov Yu. M. Revisiting controversial issues of Buryat-Mongolia's history: The position of V. F. Akhanyanov. *Mongolian Studies (Elis-ta)*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 222–230. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-222-230 (In Russ.)
- Kozmin N. N. Local lore and history research: Economy-oriented objectives. *Buryatievedenie (Buryat Studies)*. Bulletin of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Scientific Society. 1926. No. 2. Pp. 1–2. (In Russ.)
- Kozmin N. N. Local lore and history research: Objectives and forms. *Buryatievedenie (Buryat Studies)*. Bulletin of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongol Scientific Society. 1925. No. 1. Pp. 3–5. (In Russ.)
- Kudryavtsev F. A. History of the Buryat-Mongol People, 1600s–1860s: [Collected] Essays. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 242 p. (In Russ.)
- Lyksokova V. Ts. The Shaping and Development of Buryatia's Archival Affairs, 1860s–1991: A History. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 1999. 19 p. (In Russ.)
- Miller G. F. History of Siberia. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. 630 p. (In Russ.)
- Mokhosoev M. V., Mantatov V. V. Exploring Buryatia's history: Key stages and results. In: Development of Science in Buryatia. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1982. Pp. 5–68. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Development of science in Buryatia, 1920s–1930s. *Issledovatel'*. 2009. No. 3–4. Pp. 150–157. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V., Ivanova L. B. [Banzarov] Buryat State University: Past and Present. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2022. 192 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat-Mongols: Historical Essays. Leningrad: OGIZ, 1937. 425 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Travels through Different Provinces of the Russian Empire. Part 3: Mid-to-Late 1772 and 1773 St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1788. 624 p. (In Russ.)
- Serebrennikov I. I. The Buryats: Their Household Economies and Land Use Patterns. Verkhneudinsk: Buryat-Mongolia Publ. House, 1925. 226 p. (In Russ.)
- Shchapov A. P. Complete Works. Supplementary volume to the edition of 1905–1908. Irkutsk: East Siberian Oblast Press, 1937. 378 p. (In Russ.)
- Sinelnikova E. F. Constructing Soviet science: Scientific societies in the 1920s. In: Gorbachev O. V., Mazur L. N. (eds.) The Soviet Project, 1917–1930s: Implementation Stages and Mechanisms. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2018. Pp. 454–462. (In Russ.)
- Sizova A. A. Buryat and foreign words in the Mongolian vocabulary compiled by D. G. Messerschmidt. In: Tunkina I. V. (ed.) To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727). Collected articles. Ad fontes (materials and studies on the history of science) 19. St. Petersburg: Renome, 2021. Pp. 343–351. (In Russ.)
- Serebrennikov I. I. Buryats: their economic life and land use. Verkhneudinsk: Buryat-Mongol. publishing house, 1925. 226 p. (In Russ.)
- Spafariy N. G. Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China of the Russian envoy Nikolai Spafariy in 1675. Travel diary of Spafariy / with input. and note. Yu. V. Arsenyeva. SPb.: Type. V. Kirshbaum, 1882. 214 p. (In Russ.)
- Tsibikov B., Zayatuev G.-N. Gombozhab Tsybikov. In: Russian Mongolian studies / ed. by E. Sharakshinova. Irkutsk: IGU Publishing House, 2012. Pp. 142–147. (In Russ.)
- Tatarinov M. Description of Bratsk Tatars Compiled by Captain-Ranked Navigating Officer Mikhail Tatarinov. Ulan-Ude, 1958. 78 p. (In Russ.)
- Tsibikov B. D. On the study of the history of Buryatia during the Soviet period. In: To the 35th anniversary of the Institute of Culture. Ulan-Ude: Printing house of the Ministry of Culture of the BMASSR, 1958. Pp. 57–80. (In Russ.)
- Ulymzhiev D. B., Shofman A. Galsan Gomboev. In: Sharakshinova E. K. (comp.) Russia's Mongolian Studies: A Chrestomathy. Irkutsk: Irkutsk State University, 2012. Pp. 69–75. (In Russ.)
- Zabanov M. N. Household Features in Ekhirit-Bulagat Epic Narratives [Analyzed]. Verkhneudinsk: Buryat-Mongol Scientific Committee, Burizdat, 1929. 36 p. (In Russ.)

